

ЮБИЛЕЙ

Нина АГИШЕВА

Николая Караченцова я знаю много лет и тем не менее всегда поражаюсь его стремительности, которая с годами только набирает обороты, и способности объять необъятное. Сегодня в четыре часа утра он был еще в Перми (солнечные концерты), днем в Москве побывал на теннисном Кубке Кремля, а сейчас сидит в своей гримерке (в Ленкоме демократия: звезда делит грим-уборную с другими актерами), отвечает по мобильнику на звонки сразу по нескольким линиям и просит меня обязательно прийти 14 ноября в Дом кино, где он будет танцевать степ с четырьмя девушками. Его сценическому темпераменту (а Марк Захаров утверждает: именно Караченцов со своим Тилем стал «тем самым тараном, что пробил брешь в стене, отделяющей старый Ленком от нового») вполне соответствует темперамент жизненный. Говорят, что клоуны — самые печальные люди на свете, что у Чарли Чаплина был тяжелый и меланхолический характер, так вот к Караченцову это не имеет ровным счетом никакого отношения: он столь же неотразимо весел и остроумен в жизни, как и на сцене. «Вы к Николаю Петровичу?» — спрашивает вахтер на служебном входе и расплывается в такой улыбке, словно выиграла в лотерею миллион. Может быть, только его жена, замечательная актриса Людмила Поргина, сознательно прожившая жизнь в Ленкоме в тени славы своего знаменитого мужа, могла бы рассказать нечто неожиданное о его характере, но она этого делать не будет.

Караченцов работает в Ленкоме без малого сорок лет — пришел сюда сразу после окончания Школы-студии МХАТа. Тогда он был худ, длинноволос и ничем не напоминал героя-любownika. Наутро после спектакля «Тиль» — первого ленкомовского прорыва Захарова — он, как принято говорить, проснулся знаменитым. Вырождалось это в том, что одни зрители писали куда надо и требовали не выпускать на сцену комсомольского театра такую страшную физиономию, а другие разбили стекло и украли Колину фотоаппарату. После Резанова в «Юноне» и «Авось» первые навсегда забыли о том, что Караченцов не Ален Делон, а скорее Бельмондо (которого он, кстати, всегда дублировал в нашем прокате), а вторые преданно полюбили его на всю жизнь и много лет спустя привели на «Юнону» детей и внуков. Теперь эти дети создали в Интернете неофициальный сайт своего кумира, где не только любовно перечислены все его роли, воспроизведены интервью, но собраны стихи, посвященные артисту, — это надо видеть!

— Вы бывали на этом сайте? — Честно говоря, нет — боюсь, что зайду туда и останусь на целый день. Я человек безумно увлекающийся: вот мы сейчас переезжаем на новую квартиру. Надо разобрать документы, и я чувствую, что это займет у меня месяц: беру любое письмо, начинаю чи-

НЕ ДЕЛОН, ЗАТО БЕЛЬМОНДО

Николай Караченцов: «Я ленив до безумия»

тать и не могу оторваться — мне интересно.

— За годы вашей работы в Ленкоме характер Захарова улучшился или ухудшился?

— Улучшается с каждой секундой. Но если говорить серьезно, то меня всегда поражало в нем одно свойство: он сегодня не такой, как вчера, и ему неинтересно эксплуатировать то, что уже открыто. Поэтому после «Тили» был «Иванов», а после «Юноны» — «Три девушки в голубом». Абсолютно другая эстетика, все другое. Именно благодаря этому его свойству — способности меняться — театр столько лет на плаву. С года-

— Я этого не чувствую. Зрители так же встанут и поют с актерами «Аллилуйю» в финале «Юноны» — только теперь они зажигалки зажигают и раскачиваются, как на рок-концертах. Та же разница между партером и галеркой, только раньше в партере сидели заведующие овощными базами, а теперь олигархи. Главное — зал всегда полон, ведь я хорошо помню, как в Ленкоме после ухода Эфроса и до прихода Захарова мы волновались: будет больше тринадцати зрителей или нет (в театре есть закон: если на спектакле меньше тринадцати зрителей, им возвращают

— Ленив до безумия. Был бы художником, ни одной картины не нарисовал, думал бы — завтра, а сейчас надо полежать, покурить, собраться с мыслями. А в нашей профессии не полежишь — съемки, запись, репетиция. Не верю, что актер может десять лет ничего не делать и ждать своей роли: когда она появится, он уже не сможет ее сыграть.

— Знаю, что вы недавно снялись в фильмах «Па», «Фото», «Интертейнмент» — но их никто не видел?

— Это отдельная тема — нынешний прокат. Больше того: благодаря тому, что сегодня показывают, сложилось уже целое поколение, которое хочет уже только это и смотреть, потому что ничего другого не знает. Они знают Верку Сердючку и «Фабрику звезд», видят третьеразрядное американское кино, переживают, с кем живет Джулия Робертс. Жалко, потому что все перечисленное имеет право на жизнь, но не должно главенствовать.

— Вы любите праздновать дни рождения?

— Обычно вспоминаю о них за день-два до того. Но в этот раз пресса меня так прессует, что я с ужасом думаю: а не говорил ли я то же самое вчера по телевидению? Дай бог пережить эти дни, понимаю: кто-то обидится, кого я не позову — могу всех не упомянуть. В театре говорят: это ведь не просто ваш юбилей, поэтому кто где будет сидеть, вас не касается, кто куда потом пойдет — тоже.

27 октября он снова выйдет на сцену в белоснежной рубашке графа Резанова и запоет своим фирменным хриплым голосом о русской вере в «Авось». Наверное, она помогает — иначе чем объяснить, что двадцать два года зрители вместе с его героем мечтают о другой жизни и плачут, когда он поет «Я тебя никогда не забуду». Кажется, нечто подобное на театре до Караченцова случилось только с Сарой Бернар.

/// РАНЬШЕ В ПАРТЕРЕ СИДЕЛИ ЗАВЕДУЮЩИЕ ОВОЩНЫМИ БАЗАМИ, А ТЕПЕРЬ — ОЛИГАРХИ ///

ми он стал больше доверять актеру. Я сейчас играю в «Городе миллионеров» с Инной Чуриковой — так он сказал: «Будем ставить на вашу индивидуальность» — и назвал это не вводом, а новой сценической редакцией.

— Ваш Резанов — театральная легенда, четыре Кончиты сменились в спектакле, а вы все поете и плывете в Америку. Нет чувства усталости?

— Моя мама говорила: «Мужчина не имеет право соединять слова «Я» и «устал». Он может один раз в жизни сказать: «Нет больше сил!» — и умереть». Есть другое: я постоянно живу под прессом того, что на меня каждую секунду смотрят люди. Я должен думать, как выгляжу, что говорю. Вот от этого хочется убежать — уединиться, плюхнуться в траву, сесть в машину и куда-то уехать. Я отдыхаю за рулем: несмотря на замкнутость пространства, у меня там абсолютное ощущение свободы. Если же почувствую, что устал играть, — все, надо уходить из театра.

— Изменилась за эти годы ленкомовская публика?

денгги и спектакль отменяется). Вообще мы в Москве — счастливые люди. Года три назад я поехал в Рыбинск на юбилей местного театра — как московская знаменитость, так сказать. После спектакля вся труппа вышла на сцену. Актрисы в лучших платьях, актеры волнуются. Я иду к ним и думаю: вот они три месяца зарплату не получали. Играть семь премьер в сезон — иначе не выжить. Никто из них никогда не будет сниматься в кино, не появится на экране телевизора. Раз в неделю обязательно едут на село: вешают простыночку, справа — мальчики, слева — девочки, тем и другим по пятьдесят, мажут гримом лицо и в сотысячный раз выходят играть. И мне стало стыдно. Я понял: вот настоящие артисты, они работают только потому, что не могут не жить в этой профессии. Я не знал, плюхнуться ли перед ними на колени, поклониться ли им в пояс, что-то из этого я проделал, но чувство стыда своего помню до сих пор.

— Вы звезда, супермен и так далее, а в чем вы уязвимы?